САРОВСКАЯ ПУСТЫНЬ

ВЪ 1823 ГОДУ.

(Изъ путевыхъ записокъ Дмитрія Деменкова) а).

Нѣсколько разъ былъ я въ Саровской пустыни, но всегда зимою, или осенью; теперь, погода установилась прекрасная, лѣто только что наступило; и природа во всей красѣ, убранная

а) Эта обстоятельно составленная и дышущая теплымъ чувствомъ статья получена Редакціею при слѣдующемъ письмѣ отъ автора: „въ издаваемомъ вами истинно *Душеполезномъ чтеніи* помѣщена была за 1861 годъ въ 3 части статья: *„Воспоминаніе объ о. Назаріи Игуменѣ Валаамскомъ“*; прочитавъ ее съ душевнымъ наслажденіемъ, я вспомнилъ, что пора и мнѣ передать въ печать давно уже хранящіяся у меня нѣкоторыя свѣденія объ этомъ извѣстномъ по своей высоко-христіанской жизни, добродѣтельномъ игуменѣ, сообщенныя мнѣ ученикомъ его отцемъ Иларіономъ и моею матерью. Почему, препровождая къ вамъ, изъ путевыхъ записокъ моихъ статью: *„Саровская пустынь въ 1823 году“*, покорнѣйше прошу васъ напечатать ее, если найдете ее соотвѣтствующею цѣли вашего журнала.

зеленью и цвѣтами, приглашая на блестящій пиръ свой, предлагала гостямъ чистыя, неподдѣльныя удовольствія. Въ это время желая лучше ознакомится съ знаменитою Саровскою обителью, я въ пріятномъ обществѣ родныхъ моихъ: М. и Т. 9-го іюня 1823 г. отправился на богомолье.

Отъ Арзамаса до Орѣховца на 20 верстъ гладкая, безлѣсная равнина; но отсюда мѣстоположеніе возвышается; дорога пролегающая по плодоноснымъ полямъ, частые перелѣски и тихій теплый вечеръ, нечувствительно сократили переѣздъ нашъ до Кремянокъ; отдохнувъ здѣсь, мы приблизились на разсвѣтѣ къ Саровскому лѣсу,—чѣмъ далѣе, тѣмъ гуще становился онъ; наконецъ мы въѣхали въ самую чащу бора, и преслѣдуемые роемъ оводовъ, которые безъ пощады мучили бѣдныхъ лошадей, медленно тащились по глубокимъ пескамъ. Огромныя сосны и ели гдѣ высились къ облакамъ, гдѣ склонялись надъ дорогою подобно старцамъ утомленнымъ долгою жизнію; и здѣсь освѣщенныя, тамъ покрытыя тѣнію, широко раскидывая кудрявыя вѣтви свои, разливали въ воздухѣ бальзамическій запахъ смолы и защищали насъ отъ зноя. Но въ этихъ дебряхъ пріютъ однимъ звѣрямъ: медвѣди, волки, лоси бродятъ тамъ на свободѣ, и развѣ смѣлый охотникъ проникаетъ иногда въ ихъ завѣтное жилище, и звучными выстрѣлами тревожитъ спокойствіе пустыни. Соровскій лѣсъ

одинъ изъ величайшихъ и хорошо соблюденныхъ внутри Государства, примыкая къ судоходной Мокшѣ, соединяется, какъ говорятъ, съ лѣсами Муромскими, а съ другой стороны простирается до Саратовской дороги изъ Арзамаса. Значительная часть его, издавна находившаяся во владѣніи Саровскаго монастыря, сохранилась отъ опустошительныхъ порубокъ и изобилуетъ строевыми и мачтовыми деревьями; сосны достигаютъ здѣсь 15, 18, и 20-ти саженной высоты, а иныя даже и выше 20 сажень. Кромѣ того растутъ: липа, ель, дубъ, береза и другія свойственныя почвѣ и климату.

На три версты отъ пустыни дорога идетъ просѣкомъ, гдѣ какъ въ тѣсномъ коридорѣ совершенно скрылись отъ насъ лучи солнечные, такъ что мы были освѣщены только узкою полосою неба, проглядывавшаго между вершинами колоссальныхъ сосенъ. Въ тоже время раздался звонъ колокола призывавшій къ молитвѣ пустынножителей, и разносясь въ воздушныхъ пространствахъ дремучаго лѣса, напоминалъ, что одно небо и молитва должны занимать приближающагося къ обители.—Но вотъ на холмѣ забѣлѣлись каменныя зданія, у подошвы его между зеленѣющими островками заструился Сатисъ, и монастырь, какъ огромный храмъ, открылся предъ нами въ благолѣпно-священной красѣ своей, съ церквами обнесенными двухъэтажными кельями, съ красивыми башнями и исполинскою ко-

локольнею, высоко подымающею надъ нимъ златую главу свою съ сіяющимъ на ней крестомъ. Сама природа, оградивъ тёмнымъ лѣсомъ это пустынное мѣсто, хотѣла кажется скрыть его отъ міра, облагодѣтельствовавъ монашествующихъ всѣмъ, что только нужно для покойной и пріятной жизни посвятившихъ себя уединенію.

Съ перваго шага въ каменую двухъэтажную гостинницу, гдѣ останавливается дворянство и купечество, встрѣчаете чистоту, порядокъ, удобство. Каждому семейству изъ пріѣзжающихъ отводится особенная комната съ широкими лавками для постелей и опрятною мебелью. Вмѣсто хлѣба-соли, принесли намъ по просфорѣ, а въ 12-мъ часу предложили трапезу въ свѣтлой, просторной залѣ гостинницы, гдѣ самъ настоятель или казначей угощаетъ посѣтителей не затѣйливыми, но вкусно приготовленными блюдами. Для духовныхъ же посѣтителей есть особенная гостинница въ монастырѣ.

Послѣ трепезы, казначей отецъ Савватій и ученикъ добродѣтельнаго Валаамскаго игумена Назарія, іеромонахъ Иларіонъ, съ радушіемъ показали мнѣ все достойное вниманія въ обители. Главная достопримѣчательность ея — *Соборная церковь Успенія Богоматери*, красивой, стройной архитектуры составляетъ высокое четырехъугольное зданіе, вѣнчаемое пятью куполами, изъ коихъ средній значительно возвышается надъ прочими; на голубыхъ главахъ разсѣянныя звѣзды,

кресты блестятъ золотомъ; 85 оконъ освѣщаютъ величественный храмъ, имѣющій 28 сажен. высоты и занимающій около 20 сажень длины и 11 ширины; въ немъ два придѣла: Архангела Михаила и преподобныхъ: Антонія и Ѳеодосія печерскихъ; сводъ поддерживается четырьмя столпами и ярко раззолоченный иконостасъ, какъ щитъ небеснаго стратига, охраняющій святая святыхъ отъ взоровъ молящихся, поражаетъ красотою и великолѣпіемъ; четыре мѣстныя иконы его въ серебреныхъ вызолоченныхъ ризахъ, а одна осыпанная жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями замѣчательна какъ даръ царевны Марьи Алексѣены, особенно усердствовавшей пустыни. Надъ Царскими дверями находится точно такой же какъ въ Кіево-печерской Лаврѣ-образъ: Успенія Пресвятыя Богроодицы, и также предъ обѣднею спускается на снурахъ, для прикладыванія къ нему народа. Иконное письмо, утварь, богатѣйшая ризница съ бархатными ризами, залитыми золотомъ, унизанными на оплечьяхъ жемчугомъ, а отчасти и дорогими каменьями, и превосходнѣйшей работы плащаница подъ стекляннымъ футляромъ — вполнѣ соотвѣтствуютъ благолѣпію храма, безпрестанно украшаемаго отъ избытковъ обители и подаяній богомольцевъ. Первоначальная церковь основана на этомъ мѣстѣ въ 1730-мъ году, но въ послѣдствіи перестроена въ настоящемъ видѣ уже въ 1775 году при настоятелѣ Ефремѣ, послушникомъ Саровской обители

Иваномъ Федоровымъ, при чемъ прежнюю превратили въ олтарь.

Теплая соборная во имя *Живоноснаго источника* не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, но *колокольня*, воздвигнутая въ 1742 году по плану и фасаду статскаго совѣтника Бланка, принадлежитъ къ высочайшимъ въ Россіи, имѣя съ крестомъ до 38 сажень, и по легкой, правильной архитектурѣ своей служитъ лучшимъ украшеніемъ пустыни. Она состоитъ изъ четырехъ ярусовъ опоясываемыхъ по уступамъ балюстрадми, ограждающими балконы. Въ нижнемъ этажѣ устроены св. врата, въ среднемъ церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, третій и четвертый заняты колоколами, а еще выше помѣщаются часы. Въ Никольской церкви, образа писаны мастерскою кистію г-на Ступина (основателя Арзамаской Академіи живописи) и большія стекляныя двери, ведущія на балконъ, освѣщаютъ ее какъ нельзя лучше; здѣсь же и монастырская библіотека. Поднявшись къ колоколамъ, увидите подъ собою весь монастырь со всѣми его храмами, башнями и другими строеніями, огороды иноковъ, цвѣтущіе луга окружающіе пустынь, и по нимъ разливающіеся Сатисъ и Саровку съ нѣсколькими десятками островковъ, и вся эта живая картина окружена рамою необозримаго лѣса, цѣлаго океана деревьевъ, подобно ему безпредѣльнаго, и слитаго съ синевою горизонта; волнистая поверхность его покрыва-

лась чудесными красками, и переливы изъ свѣтлаго въ темно-зеленый и синій цвѣтъ, съ густою тѣнью набросанною облаками, ни съ чемъ несравненны. Не такъ ли въ жизни печаль и радость, бурныя страсти и кроткія думы поперемѣнно смѣняются? Долго стоялъ я здѣсь и любовался роскошною картиною природы, прелестною въ дикости своей; между тѣмъ окрестность оживлялась пѣніемъ птицъ и шорохомъ листьевъ едва достигавшимъ до слуха, и пустыня казалась раемъ. Но не вѣченъ цвѣтъ жизни, наступитъ мрачная осень, нагонитъ тучи, и задвинетъ ими голубое небо,—тогда зеленый, безконечный лѣсъ потемнѣетъ какъ мантія инока, зашумитъ какъ море, порывистые вѣтры разтреплютъ, разнесутъ цвѣтную одежду его, и вмѣсто пѣсенъ соловья, въ немъ раздавается будетъ трескъ ломающихся деревьевъ, вой бури и голодныхъ волковъ ищущихъ добычи. Когда же зима двинетъ свои косматыя дружины мятелей и снѣговъ, завалитъ дороги и нестанетъ нигдѣ защиты отъ лютости холода, тогда только вполнѣ можно постигнуть силу духа и самоотверженіе, съ какимъ рѣшились первые пустынножители поселиться въ глуши сихъ непроходимыхъ лѣсовъ, изъ любви къ Богу и для побѣжденія страстей своихъ.

За монастырскою оградою, недалеко отъ мастеровыхъ строеній есть *пещера*, въ коей спасались отшельники; нѣсколько пріѣзжихъ вмѣстѣ со мною, желали видѣть ее, и дряхлый старецъ

повелъ насъ за собою. У входа каждый получилъ пукъ зазженныхъ свѣчей, затворы грянули, железная дверь заскрипѣла, и мы, спустившись въ мрачное подземелье, стали пробиратся извилистыми ходами за опытнымъ путеводителемъ. «Вотъ здѣсь,—сказалъ онъ, показывая на небольшое углубленіе въ стѣнѣ пещеры,—жили люди покинувшіе свѣтъ для свѣта духовнаго, освѣтившаго имъ путь къ блаженству вѣчному». Восковое Распятіе, два образа, и жестяная лампада сохранили память удивительной жизни отшельниковъ и свидѣтельствуютъ могущество вѣры, переселяющей человѣка изъ очаровательнаго міра въ темный, сырой вертепъ, гдѣ ожидаетъ его тяжкая борьба съ прежними привычками и страстями и гдѣ только надежда небесной награды остается утѣшеніемъ страдальческой жизни. Благодѣтельная надежда! подпора смертныхъ! безъ тебя и владыки земные, обладатели обширныхъ земель, и земледѣльцы, въ потѣ лица снискивающіе хлѣбъ, равно скучали и тяготились бы состояніемъ своимъ и свѣтомъ симъ, исполненнымъ превратностей и огорченій.—Миновавъ еще нѣсколько подобныхъ келій, мы пришли въ церковь преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, которая имѣетъ едва ли болѣе 10-ти шаговъ длины и 6 ширины, полъ чугунный, иконостасъ железный, престолъ мраморный, а для воздуха кирпичную трубу, покрытую надъ землею куполомъ съ четырьмя окнами. Пещера

эта простирается, по словамъ провожавшаго насъ монаха, со всѣми извилинами, до 300 сажень; по преданію, сдѣлана еще Татарами, прежними жителями этого мѣста, и служила имъ, на случай осады непріятелемъ, выходомъ къ рѣчкѣ Саровкѣ за водою; монахи же только распространили и обдѣлали ее; но въ историческомъ описаніи Саровской пустыни (1804 года) сказано: что пещеры началъ копать монахъ Иларіонъ въ 1691 году, а въ 1711 онѣ кончены вмѣстѣ съ церковью препод. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, которую въ томъже году по желанію благотворительницъ обители царевенъ: Марьи Алексѣевны и сестры ея Ѳеодосіи, освятили, а въ 1780 году возобновили въ лучшемъ видѣ противъ прежняго; въ ней служатъ раннія обѣдни, но только зимою.

Въ больницѣ, устроенной для немощныхъ и престарѣлыхъ братій, о коихъ прилагается здѣсь истинно христіанская заботливость и вниманіе, также находится двухъ-этажная церковь, соединяющаяся съ кельями больныхъ. Нижняя двухъпрестольная во имя святыхъ: Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, верхняя Преображенія Господня не большая, но не безъ вкуса отдѣланная,—позолоченныя колонны украшаютъ полукруглый, шатрообразный иконостасъ. На одной изъ боковыхъ олтарныхъ дверей написанъ Ангелъ съ крижалями заповѣдей въ рукахъ, и лицемъ, до половины закрытымъ чернымъ флё-

ромъ, изображающій старый завѣтъ, скрывавшій подъ тѣнію завѣсы тайну искупленія; а на другой Новый Завѣтъ въ видѣ сіяющаго въ лучахъ Ангела, держащаго чашу съ кровію Спасителя.

За восточными вратами монастыря помѣщаются разныя мастерскія въ каменныхъ двухъ-этажныхъ зданіяхъ; верхніе этажи занимаются рабочими, а внизу устроены кузницы, слѣсарная, столярная, бочешная, житная (гдѣ хранится хлѣбъ); тамъ же мѣсто для обтесыванія камней, кирпичные сараи, и конный дворъ, въ коемъ содержится до 100 лошадей довольно рослыхъ, хорошо откормленныхъ; онѣ такъ пріучены къ людямъ, что едва показались мы съ отцемъ Иларіономъ, какъ всѣ ходившія на свободѣ, даже нѣкоторыя изъ стойлъ, подошли и окружили насъ,—это доказываетъ, что здѣсь люди помнятъ священное изреченіе: *блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ.* За конюшнею смотритъ монахъ, бывшій кавалеристъ, долго служившій въ Грузіи; отъ этаго у него все въ такомъ порядкѣ и опрятности, что точно какъ бы онъ готовился къ смотру.

Въ концѣ мастеровыхъ строеній сохранилась древняя деревянная башня, построенная, говорятъ, еще татарами, изъ толстыхъ, сосновыхъ брусьевъ [6]), и остатокъ вала и ровъ ими же прове-

6) Иные же полагаютъ, что она современна только основанію монастыря.

денные отъ Сатиса до Саровки, а въ полуверстѣ другой, имѣющій видъ полукружія,—оба заросли лѣсомъ. Къ Саровкѣ и мы направили путь нашъ. Рѣчка эта текущая въ чащѣ густаго бора, вся въ родникахъ,—одни бѣгутъ, журчатъ по песку и камышкамъ, вьются между корнями деревъ и съ шумомъ падаютъ въ нее съ береговъ, другіе со дна вырываются на поверхность ея фонтанами, иные обрублены колодцами, и имѣютъ воду чистую какъ хрусталь и холодную какъ ледъ. Гуляя подъ тѣнію вѣковыхъ липъ и сосенъ, въ виду свѣтлой, кипящей источниками Саровки, которая отъ прозрачности струй своихъ, льющихся по пещано-глинистому дну, казалась зеленовато-красною, я мыслію переносился въ сады Делиля [в]) и полюбя лѣсовъ уединенье, не равнодушно разстался съ боромъ.

Возвращаясь къ монастырю, мы спустились подъ гору, ко вновь строющейся каменной церкви св. Іоанна Крестителя. Здѣсь подъ сквознымъ высокимъ сводомъ стремительно бьющій изъ земли родникъ будетъ служить для водоосвященія, и, протекая въ близь лежащій бассейнъ, подымется изъ него насосами въ угловую башню, а оттуда пропустится уже въ хлѣбную, трапезу, конную и проч. [г]). Водопроводъ этотъ, устроиваемый

в) *Сады*—поэма соч: Делиля, переведенная стихами Алек. Өед. Воейковымъ С. Петер. 1816 года.

г) Теперь все это приведено въ исполненіе.

арзамасскимъ плотникомъ Егоромъ Михайловымъ, сдѣлавшимъ точно такіе же въ Арзамасской Алексѣевской общинѣ и тамошнемъ женскомъ Никольскомъ монастырѣ, отличается отъ существующаго въ Саровѣ тѣмъ, что будетъ приводиться въ движеніе лошадьми, а не людьми, какъ теперь исполняется. Проходя берегомъ Сатиса между густыми деревьями, я невольно останавливался, чтобъ полюбоваться возвышающеюся надъ нами скалою покрытою липами и березами, между коими бѣлѣющіяся зданія и башни монастыря уподобляли его великолѣпному замку давно прошедшаго вѣка; вправо развѣсистыя вѣтлы склонялись къ рѣкѣ; пасущійся по островамъ скотъ до половины скрывала осока, и наконецъ высокая стѣна дремучаго бора зеленою рамою обхватывала это счастливое мѣстоположеніе.

Поблагодаривъ почтеннаго проводника отца Савватія, за доставленное мнѣ удовольствіе пріятною съ нимъ прогулкою, я желалъ обойти монастырь съ противоположной стороны; но пройдя за мостокъ чрезъ Саровку, падающую тутъ съ плотины, встрѣтился съ монахомъ предложившимъ мнѣ посѣтить пчельникъ, порученный его надзору. При входѣ въ калитку три огромные пса, гремя цѣпями, бросились на меня съ страшнымъ лаемъ и только клюка хозяина усмирила ихъ. Онъ пригласилъ меня въ свою келью осѣненную длиннымъ навѣсомъ, подъ коимъ стояли двѣ модели: рехъ-мачтоваго транспорта и вѣтреной мѣльницы.

Не служили ли вы во флотѣ? спросилъ я монаха. Я «былъ корабельнымъ плотникомъ-отвѣчалъ онъ, а рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ узнаетъ; видя, что вы идете за Саровку, я догналъ васъ, чтобъ поподчивать нашимъ медомъ». И тотчасъ вынесъ онъ молодые соты и бѣлый хлѣбъ, водилъ по пчельнику, показывалъ, объяснялъ все съ такимъ же усердіемъ, какъ и распрашивалъ о настоящемъ положеніи нашего флота и прежнихъ начальникахъ своихъ. «Обращаясь всегда съ дѣятельными пчелками, говорилъ онъ, и научаясь отъ нихъ трудолюбію, я не скучаю моею должностію; жаль только, что прошлаго года, отъ холоднаго, дождливаго лѣта, погибло у меня болѣе сотни стояновъ, и теперь кромѣ тридцати всѣ стоятъ пустые, вотъ одно мое горе, но съ Божіей помощію авось справимся». Кромѣ этаго пчельника, пустынь имѣетъ еще другой внутри лѣса, гдѣ также было до 200 стояновъ, но теперь и тамъ число ихъ уменьшилось, чему пособляютъ и мохнатые сосѣди иногда навѣщающіе пчельникъ; не имѣя средствъ сопротивляться имъ, сторожа только смотрятъ, какъ лѣсной лакомка опрокинетъ стоянъ, всунетъ въ него голову, и очистивъ на-чисто, грохнетъ о земь, да только и видѣли его. Но противъ такихъ набѣговъ приняты уже мѣры и пчельникъ предполагали обнести высокимъ частоколомъ съ рогатками.

На другой день съ отцемъ Иларіономъ пошли мы къ *жилищамъ пустынниковъ*. Дорога къ нимъ

вела лѣсомъ вдоль Саровки; тихое утро, воздухъ растворенный ароматами растеній, шумъ ключей жемчужными струями катившихся съ береговъ, и громкій хоръ птицъ привѣтствовавшихъ восходящее солнце—все располагало къ удовольствію, проясняло, успокоивало душу, и сердечная молитва моя летѣла къ небесному Отцу, вдохнувшему въ насъ жизнь и чувство къ прекрасному.

Мы приближались къ пустынѣ, въ которой жилъ схимникъ *Марко* (скончавшійся въ 1817 году); небольшая келья на возвышеніи, подлѣ нея крестъ, передъ коимъ онъ обыкновенно молился, а въ нѣсколькихъ шагахъ въ горѣ ископанныя имъ двѣ пещеры, въ связи между собою, но теперь заваленныя деревьями и хворостомъ, какъ и полуразрушенная келья его не поправляемая изъ опасенія, чнобъ воры не поселились въ ней,—составляютъ это тихое убѣжище, за которое Марко не взялъ бы чертоговъ царскихъ. Въ 1816-мъ году видѣлъ я этаго схимника въ церкви, одѣтаго въ ветхое рубище, съ низенькою на головѣ шапочкою, покрытою полотномъ съ крестообразно висящими концами. Зимою по окончаніи службы затворялся онъ въ тѣсной хижинѣ своей (за оградою монастырскою), гдѣ при входѣ въ келью его стоялъ гробъ окруженный подсвѣчниками, въ коемъ отдыхалъ онъ всегда при жизни и на вѣки успокоился по смерти, послѣдовавшей въ маститой уже старости. Весною же переселялся въ пустыню за $1^1/_2$ версты отъ

монастыря, въ который приходилъ тогда только за пищею, и потомъ удалялся въ глубину лѣса, гдѣ вдали отъ жилища людскаго любилъ изливать чувства свои предъ Богомъ; съ братіею говорилъ рѣдко, а тѣмъ менѣе съ навѣщавшими его изъ любопытства.

Ближе къ обители подлѣ вала, есть другая пустынь, въ ней живетъ нынѣ іеродіаконъ *Александръ*; положеніе ея гораздо открытѣе, — на лужку маленькій огородъ и 5 или 6 колодокъ съ пчелами составляютъ занятіе пустынника въ свободное отъ молитвъ время.

Отецъ *Серафимъ* нѣкогда жилъ также въ лѣсу на берегу Саровки; но послѣ того, когда разбойники требовавшіе у него денегъ, не повѣривъ ему, что у него нѣтъ ихъ, жестоко избивъ старца, выбросили его изъ кельи, и не найдя въ ней ни гроша ушли, принесенный братіею въ монастырь, по выздоровленіи своемъ, онъ хотя жилъ еще нѣсколько лѣтъ въ пустынѣ, но потомъ переселясь въ обитель, постоянно пребывалъ въ затворѣ съ обѣтомъ безмолвія, не имѣя никакого сношенія съ братіею; даже монахъ приносившій ему пищу не входилъ къ нему, но оставлялъ ее у дверей кельи, только по субботамъ послѣ пріобщенія святыхъ Таинъ, всякому (кромѣ женщинъ) можно было видѣть его. Въ одно время (1816-го) и я воспользовался этимъ случаемъ и послѣ ранней обѣдни пошелъ за іеромонахомъ, несшимъ къ нему Святые Дары; о. Серафимъ

въ мантіи и эпитрахили стоялъ уже въ готовности къ принятію свят. причастія; смиренный видъ убѣленнаго сѣдинами старца, его волосы разбросанные по плечамъ и изсохшія руки, крестообразно сложенныя на груди, изъ которой кажется готовъ былъ вылетѣть послѣдній вздохъ сердца преданнаго Богу, — все показывало въ немъ человѣка только тѣломъ принадлежащаго землѣ, и окружающіе предметы ясно выражали состояніе души его, мертвой для всего тлѣннаго, преходящаго. Въ углу образъ Распятія съ теплющеюся предъ нимъ лампадою, на столѣ нѣсколько книгъ, мѣшки, служащіе постелію, на коей вмѣсто подушки лежало что-то похожее на деревянный отрубокъ, застланный холстиною, и у печки высокая кладка дровъ, составляли все, что затворникъ считалъ необходимымъ для своего спокойствія; платье его висѣвшее у дверей, стѣны и потолокъ покрыты были пылью и паутиною. Послѣ причастія отецъ Серафимъ, благословляя и кланяясь въ ноги посѣтителямъ, старался цѣловать руки каждаго; тогда же и я удостоился получить его благословеніе; но когда дошла очередь до пришедшаго съ нами крестьянина, онъ палъ на колѣна предъ затворникомъ, обнялъ ноги его и зарыдалъ. Въ послѣдствіи, желая доставлять болѣе душевной пользы своимъ посѣтителямъ, о. Серафимъ началъ говорить съ ними, и теперь ежедневно бесѣдуетъ со всѣми, кто имѣетъ до него нужду. Духовные и свѣтскіе,

дворяне и крестьяне, старцы и дѣти, всѣ толпятся къ нему за благословеніемъ, и всякому что нибудь скажетъ онъ въ утѣшеніе, или въ наставленіе; иные изъ усердія приносятъ ему даже подарки и деньги; не имѣя надобности въ нихъ, онъ если и принимаетъ что, такъ единственно для того только, чтобъ раздавать бѣднымъ; другихъ надѣляетъ сухариками и свят. водою, что хранятъ они какъ святыню, и употребляютъ въ болѣзняхъ на изцѣленіе.

Кокое благодѣтельное вліяніе можетъ имѣть такой человѣкъ, особенно на обремененныхъ душевною скорбію, врачуемою участіемъ любви и истины христіанской, и вообще на народъ, питающій къ нему столь неограниченную довѣренность! д).

д) Подобную жизнь велъ онъ въ продолженіи нѣсколькихъ еще лѣтъ; говорятъ, что не бывъ боленъ и предъузнавъ кончину свою, наканунѣ смерти пріобщась св. Таинъ, долго бесѣдовалъ съ любимымъ ученикомъ своимъ и братіею, и простился со всѣми. Когда же братія на другой день по утру, замѣтивъ дымъ выходящій изъ кельи его, и полагая, что у него случился пожаръ, растворили двери, то увидѣли, что онъ стоитъ на колѣнахъ предъ образомъ, и свѣчка догорая зажгла лежащую передъ нимъ книгу; подумали, что затворникъ заснулъ, стали звать его, но онъ уже скончался. Въ этомъ положеніи сняли съ него портретъ, который вмѣстѣ съ описаніемъ жизни его хранится въ Саровѣ. Въ настоящее время высокоподвижническая жизнь отца Серафима сдѣлалась уже общеизвѣстною на Руси; но въ описываемое здѣсь время, онъ находился

Послѣ прогулки отецъ Иларіонъ пригласилъ меня въ свою келью, гдѣ образъ Спасителя, съ нѣсколькими другими иконами, библіотечка изъ духовныхъ книгъ, портретъ Назарія, надъ дверью изображеніе Саровской пустыни, а изъ окна сквозь желѣзную рѣшетку видъ на Саровку,— вотъ все, что могло занять и утѣшить почтеннаго хозяина въ уединеніи. Въ стѣнѣ коридора, содержимаго въ отличной чистотѣ, между каждыми двумя смѣжными кельями сдѣлана печь, закрываемая большимъ заслономъ; отъ ней нагрѣваются обѣ кельи, и въ ней же монахи грѣютъ чайники, и готовятъ себѣ иногда пищу, въ случаѣ болѣзни, когда не бываютъ въ трапезѣ.

«Вотъ наставникъ и благодѣтель мой, сказалъ Иларіонъ, указывая на портретъ Назарія—послѣ Бога, всѣмъ земнымъ счастіемъ и спокойствіемъ души моей обязанъ я ему». Находясь всегда съ Назаріемъ, о. Иларіонъ очень хорошо зналъ всѣ обстоятельства жизни своего учителя, и изъ того, что сообщилъ онъ мнѣ о Назаріи, и что слышалъ я объ немъ отъ другихъ, столь же заслуживающихъ довѣрія лицъ, можно видѣть, какихъ трудовъ и терпѣнія стоило Назарію достигнуть до той степени нравственнаго совершенства, на которой онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ образцевъ для монашествующихъ.

еще въ числѣ братства Саровской обители. Краткое свѣденіе о главныхъ подвигахъ этого дивнаго старца напечатано 1845 года.

За олтаремъ теплой соборной церкви находится могила этаго кроткаго, добродѣтельнаго старца; имъ справедливо можетъ похвалиться пустынь Саровская, въ которой онъ началъ и кончилъ свое иноческое поприще, и хотя проводилъ жизнь отшельническую, но не чуждался людей, и все что почерпалъ душеполезнаго въ уединеніи, спѣшилъ раздѣлять со всѣми, кто искренно хотѣлъ принимать спасительные совѣты его, и всегда съ одинаковымъ жаромъ трудился для пользы ближняго [e]).

Назарій, называвшійся въ мірѣ Николаемъ, родился въ 1738 году въ селѣ Аносовѣ въ 15 верстахъ отъ бывшаго города, а нынѣ посада Кадома (Тамбовской губерніи Темниковскаго уѣзда). Духовное званіе, къ коему принадлежали родители его, приучивъ его съ малыхъ лѣтъ къ служенію церкви, и прилежному чтенію св. Писанія, способствовало развитію природнаго влеченія его къ удиненію; сѣмя слова Божія пало на плодородную землю, и Назарій, почувствовавъ призваніе свое, 14-ти лѣтъ отъ рожденія, оставилъ міръ и вступилъ въ Саровскую пустынь. Скоро обстоятельства перенесли его въ Астрахань; тамъ нѣсколько времени жилъ онъ въ домѣ преосвященнаго Меѳодія, и тамъ же постригся въ 1760 году въ монахи, въ Спасо-

---

e) Прилагаемыя здѣсь краткія свѣденія объ от. Назаріи писалъ я въ 1837 году.

Преображенскомъ монастырѣ, а чрезъ годъ рукоположенъ въ іеродіаконы; но все это не могло еще удовлетворить души, пламенно преданной отшельничеству. Подобно мощному орлу, устремляющему полетъ свой въ горніе заоблачные предѣлы, Назарій по слѣдамъ древнихъ пустынножителей порывался къ высшему назначенію, и братія Сарова въ 1765 году опять увидѣли его въ стѣнахъ обители своей; ему было тогда 27 лѣтъ; страсти дѣйствовали въ немъ съ полной силою; но онъ мужественно рѣшился сопротивлятся имъ и въ 30 верстахъ отъ Сарова (при Ломовомъ болотѣ, у верховья Алатыря), въ глуши дремучаго лѣса, устроивъ себѣ келью и водрузя при ней крестъ, подъ сѣнію этаго священнаго знамени вступилъ въ тяжкую борьбу съ собою.—Помыслы и обольщенія міра терзали, жгли душу его; но онъ крѣпился вѣрою, изнурялъ тѣло постомъ и молитвою, и прогонялъ скуку одиночества размышленіемъ о небесной отчизнѣ и пѣніемъ псалмовъ. Потребна была необыкновенная твердость духа, чтобъ привыкнуть къ дикой, угрюмой пустынѣ, къ ея вѣчному безмолвію, нарушаемому только однообразнымъ шумомъ деревьевъ качаемыхъ вѣтрами, крикомъ хищныхъ птицъ, или бѣгомъ звѣрей блуждавшихъ по вертепамъ мрачнаго лѣса, и приходившихъ иногда утолять жажду въ струяхъ ближняго источника.

Между тѣмъ духовный отецъ Назарія іеросхи-

монахъ Варлаамъ, игуменъ Пѣсочнаго Костромской эпархіи монастыря, жившій тогда на покоѣ въ Саровской пустыни ж), давно уже искалъ его въ непроницаемой чащѣ окрестныхъ лѣсовъ, и наконецъ открывъ убѣжище отшельника, уговорилъ Назарія возвратиться въ обитель и поселиться въ двухъ верстахъ отъ нея на лѣвомъ берегу Саровки, гдѣ могъ онъ съ большею пользою совершать подвигъ спасенія, учить другихъ и самъ научатся отъ опытныхъ. Многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ приходили тогда наслаждаться бесѣдою Назарія; одаренный убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, онъ объяснялся просто, безъ отвлеченныхъ умствованій; онъ любилъ смирять гордыхъ, училъ самоукоренію, кротости, миролюбію и другимъ христіанскимъ добродѣтелямъ; унывающимъ о грѣхахъ своихъ не столько угрожалъ муками ада, сколько, обнадеживалъ ихъ милосердіемъ Божіимъ, и часто говорилъ ученикамъ своимъ: «всякой христіанинъ есть воинъ, такъ и ты воюй да негорюй». Жизнь эта совершенно согласовалась съ чувствами и желаніями его и онъ, довольный въ то вре-

ж) Гдѣ онъ и скончался при строителѣ Ефремѣ 1765 года мая 4 дня, какъ сказано о немъ въ опис. Саров. пуст. 1804 г. на стр. 52: „мужъ добродѣтельный и весьма благопотребный для обители, который, для спокойнаго препровожденія духовной жизни, оставилъ сказанное игуменство и поживъ въ сей обители двадцать два года былъ братіи примѣромъ своею добродѣтельною жизнію.“

мя настоящимъ своимъ положеніемъ, не искалъ ничего болѣе; но молва о добродѣтельной жизни Назарія, перелетая изъ мѣста в. мѣсто, достигла столицы и обратила на него вниманіе начальства. Санктпетербургскій Митрополитъ Гавріилъ, желая по примѣру Саровской пустыни устроить въ Валаамской обители общежитіе, вызвалъ для сего Назарія и сдѣлалъ его въ 1782 г. строителемъ, а въ 1785 г. игуменомъ Валаама [3]). Въ грамотѣ данной ему по сему случаю митрополитъ объясняетъ: «что островъ Валаамъ по пустынному положенію своему и святости жизни первыхъ своихъ труженниковъ самимъ Промысломъ Божіимъ опредѣленный къ пребыванію на немъ иноковъ, требуетъ возстановленія селеній праведныхъ, на непреложныхъ правилахъ существующихъ въ Саровской пустыни, и тѣмъ самымъ принесенія жертвы Спасителю. Призывая для сего честнаго отца іеромонаха Назарія извѣстнаго подвигами своими и усердіемъ для утвержденія монашествующихъ въ спасительной жизни, мы преклоняемъ колѣна и сердца наши предъ Господомъ, да дастъ имъ по богатству благости

3) „Настоятель и самъ мѣстный епископъ Θеофилъ старались удержать у себя знаменитаго отшельника и представили о немъ владыкѣ, какъ о человѣкѣ малоумномъ; но опытный въ духовной жизни Гавріилъ проникъ тайну смиренія Назаріева; „у меня много своихъ умниковъ, отвѣчалъ митрополитъ, пришлите мнѣ вашего глупца“ (294 стр. мысли о Православіи А. Н. Муравьева 1850 года).

и славы Своея укрѣпиться Духомъ Его Святымъ, и да сохранитъ въ сердцахъ ихъ любовь и миръ Божій о Христѣ Іисусѣ». И Назарій вполнѣ оправдалъ оказанную ему довѣренность; монастырь, бывшій до него въ запустѣніи, обновился и процвѣлъ въ его управленіе наружнымъ, а еще болѣе внутреннимъ благоустройствомъ и нравственнымъ достоинствомъ своихъ иноковъ. Значительно увеличивъ число братій, онъ ввелъ между ними строгій порядокъ монашеской жизни; болѣе же всего требовалъ отъ нихъ смиренія, какъ основнаго камня христіанскихъ добродѣтелей, согласно глаголу Евангелія: *Блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное*, и желая не одними словами, но и примѣромъ дѣйствовать на подчиненныхъ, онъ трудился и рылъ гряды наравнѣ съ прочими; самъ ѣздилъ за сборомъ, лечилъ, навѣщалъ больныхъ и печальныхъ, безпрестанно училъ всѣхъ, или объяснялъ имъ Слово Божіе; онъ основалъ также и скитъ неусыпаемыхъ, гдѣ нѣсколько отшельниковъ попеременно день и ночь читали псалтырь по усопшимъ; зная же, что самонадѣянность и увѣренность въ собственной святости часто возмущаетъ умы не только простыхъ иноковъ, но и схимниковъ, постановилъ, чтобы всѣ они, для избѣжанія духовной гордости, исповѣдывали ошибки и тайные помыслы свои другъ другу. Г-нъ Муравьевъ въ «путешествіи къ св. мѣстамъ Русскимъ» 143 стр. передаетъ слышанное имъ

отъ Ѳеодора ученика Назарія, о времени управленія послѣдняго: «Бывали такіе случаи, что изъ любви къ ближнему отшельники иногда силою проникали въ заключенныя кельи своихъ собратій, когда они, возносясь умственно, начинали чуждаться всякаго сообщенія, почитая себя уже на высшей степени созерцанія, и заставляли ихъ сознаватся въ своемъ обольщеніи».

Въ 1794-мъ году, правительство положило отправить съ Валаама миссіонеровъ для распространенія христіанской вѣры въ нашихъ Американскихъ колоніяхъ; избранные для сего Назаріемъ иноки, къ коимъ присоединены были 12-ть изъ Коневской обители, оправдали выборъ своего настоятеля: они несли обязанность свою совершенно въ духѣ Апостольскомъ. Письма къ Назарію Валаамскихъ монаховъ Іоасафа и Германа и) доказываютъ, съ какимъ усердіемъ разсѣвали они слово Божіе между дикими чадами сѣвера, какъ много цѣнили достоинства своего начальника, какъ желали заслужить его вниманіе и не быть изключенными изъ любезнаго имъ братства Валаамскаго; а одинъ изъ нихъ, іеромонахъ Ювеналій, отправившійся для проповѣди на материю землю къ Кенайцамъ и Колюжамъ, ревностное служеніе свое увѣнчалъ даже мученическою

и) Письма эти получены мною отъ іеромонаха Саровской пустыни Иларіона и напечатаны въ 5-й части *Очерковъ Россіи* Пассека.

смертію—съѣденъ дикими. Гавріилъ, инокъ Валаамскаго монастыря, бывшій начальникомъ судна Американской компаніи, разсказалъ этотъ случай и г-ну Муравьеву. Когда послѣ несчастнаго произшествія съ Ювеналіемъ, нѣсколько матросовъ нашихъ занесены были бурею на берегъ материка къ сѣверу отъ Кадьяка, и для сохраненія жизни объявили дикимъ, хотѣвшимъ убить ихъ, что они безсмертны, то Американцы, отпуская ихъ, сказали имъ: «вы вѣрно братья тому странному человѣку, котораго еще недавно мы никакъ не могли умертвить; онъ обращалъ насъ къ своему Богу, а мы нехотѣли для него оставить многихъ женъ и привязали къ дереву пришельца, но онъ, уже совсѣмъ мертвый, три раза возставалъ и снова начиналъ убѣждать насъ, доколѣ наконецъ не отдали мы его на съѣденіе нашимъ сосѣдамъ» (Пут. къ св. мѣст. Русск. 153 стр.)

Назарій управлялъ Валаамскою обителью 19 лѣтъ; заботы и почести игуменства наконецъ утомили его и онъ, устроя ввѣренную ему обитель, восхотѣлъ заняться уже исключительно усовершенствованіемъ самаго себя; испрося въ 1801 году увольненіе отъ игуменства, онъ съ ученикомъ своимъ Иларіономъ поселился въ пустынѣ недалеко отъ монастыря; но послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія въ ней, съ разрѣшенія Митрополита Амвросія, распростясь съ облагодѣтельствованною имъ Валаамско братіею, искренними слезами

проводившею достойнаго своего начальника, Назарій вмѣстѣ съ Иларіономъ отправился на югъ, и тамъ въ землѣ черноморскихъ казаковъ, на островѣ въ Екатеринолебежскомъ Николаевскомъ монастырѣ жилъ 10-ть мѣсяцевъ; но тягостный климатъ заставилъ его въ 1805 году возвратиться въ первоначальное пристанище свое—пустынь Саровскую. Здѣсь при свиданіи съ нимъ нѣкоторые старцы говорили ему: зачѣмъ онъ не сдержалъ слова навсегда остаться въ черноморьѣ и опять пріѣхалъ къ нимъ? Назарій съ свойственнымъ ему смиреніемъ отвѣчалъ: «простите меня, старцы святые, обезумился, вошелъ въ прелесть самовольства, но какъ батюшка сладчайшій Іисусъ меня дурака проучилъ, поподчивалъ безпрестанными лихорадками, да разъ такую чарочку поднесъ, что я внизъ головой полетѣлъ съ верхней кельи, думалъ, что тутъ же и душа изъ меня выдетъ, тогда и положилъ твердое намѣреніе возвратиться въ Саровъ, гдѣ началъ иноческую жизнь мою,—примите ради Бога, не зазрите безтолковаго Назарія». При этомъ случаѣ и я находился съ матушкою моей въ Саровѣ, но былъ тогда еще въ дѣтскомъ возрастѣ, и когда матушка просила Назарія благословить меня, онъ, обнявъ и поцѣловавъ меня, сказалъ: «послушайка, мой любезный, люби ты пожалуста Господа «болѣе всего на свѣтѣ, тогда и Онъ полюбитъ, «да и всѣмъ ирикажетъ любить тебя; то-то «житье будетъ хорошее, какъ заслужишь милость

«Спасителя, и онъ подаритъ тебѣ царство небесное». Назарій говаривалъ: «Богъ намъ не батюшка, а матушка. Мало того что даетъ все нужное въ здѣшней и блаженство въ будущей жизни,—посмотрите, сколько раскидалъ еще утѣхъ на землѣ: изукрасилъ ее деревьями и цвѣточками, приказалъ рѣзвымъ птичкамъ убаюкивать насъ своими пѣсенками, пустилъ рѣчки, ручейки по лужкамъ,—точно малыхъ дѣтокъ забавляетъ, какъ же не любить Его»? Кротость и смиреніе этаго старца были необыкновенны. Разсказываютъ, что однажды въ дорогѣ заѣхалъ онъ по невѣденію ночевать къ разбойникамъ. Послѣ ужина, отобравъ лошадей и повозку отъ своего гостя, заставляютъ они его ложиться спать; бывшіе съ нимъ работникъ и ученикъ Иларіонъ, чувствуя, что попались въ западню, не знаютъ что дѣлать, и въ страхѣ ожидаютъ смерти; а Назарій сидя у стола говоритъ разбойникамъ назидательныя поученія о обязанностяхъ къ Богу и людямъ, о будущей жизни, наградѣ добрымъ, мукѣ злыхъ по смерти; но у слушателей не то на умѣ: двое изъ нихъ, подойдя къ печкѣ, начинаютъ точить большіе ножи; Назарій видитъ эти приготовленія, и продолжаетъ свою проповѣдь; хозяинъ, потерявъ терпѣніе, сердится, требуетъ, чтобъ гость скорѣе ложился спать и далъ покой домашнимъ; но твердый старецъ, не обращая вниманія на слова его, беретъ молитвенникъ, читаетъ правило, кладетъ поклоны и такимъ образомъ про-

водить время до того, что стало уже разсвѣтать; «ну! мой любезный, говоритъ онъ тогда хозяину: спаси тебя Господи за любовь твою и угощеніе, прикажи-ка вывести повозку и лошадей нашихъ, намъ пора ѣхать»; и тотъ хотя съ бранью, а лошадей отдалъ;—запрягли—надобно выходить; но двое сыновей хозяина съ ножами въ рукахъ у дверей. Назарій же, помолясь Богу, смѣло идетъ къ нимъ, безпрестанно благодаря за ночлегъ и покой, ему доставленные. Обезоруженные кротостію и присутствіемъ духа чуднаго странника, можетъ быть еще новички въ гнусномъ ремеслѣ своемъ, не успѣвшіе заглушить совершенно совѣсть, разбойники, въ раздумьи выронивъ ножи изъ рукъ, стоятъ неподвижно какъ одурѣлые; свободно позволяютъ гостямъ сѣсть въ повозку, отворить ворота, но только что хотѣли они тронуться съ мѣста—вдругъ хозяинъ кричитъ: «остановись, батюшка! скажи пожалуста, что ты за человѣкъ, что на тебя руки не подымаются и какая же сила удерживаетъ насъ»? Назарій отвѣчаетъ: «ты видишь, что я монахъ, но сила Божія недопустила сдѣлать мнѣ зла, и она же непремѣнно накажетъ тебя за преступленія, если не оставишъ ихъ и небудешъ жить, какъ должно доброму и честному крестьянину.»—Продолжая свои обличенія и наставленія, Назарій до того привелъ въ чуство хозяина, что тотъ раскаялся въ прежнихъ поступкахъ, совершенно перемѣнилъ поведеніе, сдѣлался ревностнѣйшимъ христіа-

ниномъ и со всѣмъ семействомъ своимъ всегда былъ преданъ Назарію.

Избравъ мѣсто на берегу Саровки въ 3-хъ верстахъ отъ обители, почтенный старецъ мирно провелъ здѣсь остатокъ дней своихъ въ благочестивыхъ трудахъ и молитвѣ, и приблизился къ смерти. По принятіи животворящихъ Христовыхъ Таинъ, съ чуствами истиннаго христіанина и съ твердымъ упованіемъ на благость Творца, Назарій 1809-го года февраля 23-го на 72 году отъ рожденія кончилъ подвижнеческую жизнь свою, оставя по себѣ имя добродѣтельнаго, единогласно приписываемое ему всѣми, кто хорошо зналъ его, и рѣдкій примѣръ строгаго отшельника, умѣвшаго попеченіе о собственномъ спасеніи соединять съ постоянною заботливостію о благѣ ближняго.

Изъ кельи своей отецъ Иларіонъ повелъ меня въ хлѣбню, трапезу, рыбную, по разнымъ хозяйственнымъ заведеніямъ и наконецъ въ гостиницу устроенную въ одной связи съ колокольнею; изъ угловой башни курпуса онъ показалъ прелестный видъ *Сатиса*, который, широко разметавъ но зеленой равнинѣ сребритые потоки свои, рисуется передъ глазами съ цѣлымъ архипелагомъ островковъ, мѣстами только закрываемыхъ ближними деревьями. Стаи дикихъ гусей, утокъ, куликовъ, рыболововъ съ оглушающимъ крикомъ летали надъ водами его, кружились въ воздухѣ и перекликались съ эхомъ въ глубинѣ лѣса.

Нигдѣ не встрѣчалъ я столько дичи какъ въ Саровѣ: никѣмъ не тревожимая, она въ безопасности и на раздольѣ водится здѣсь въ неимовѣрномъ множествѣ,—такъ что утреннею зарею, смѣшанные голоса различныхъ птицъ и плескъ крыльевъ ихъ по водѣ, производятъ такой шумъ, что онъ будитъ даже спящихъ въ гостинницѣ, и вся окресность стонетъ отъ ихъ кликовъ. Изрѣдка только пріѣзжающіе на богомолье охотники стрѣляютъ дичь, или орелъ вспугнетъ мятущіяся стаи,—но утраты эти ничтожны.

Образъ жизни Саровскихъ монаховъ неизмѣнно слѣдуетъ правиламъ предписаннымъ въ уставѣ. Всенощная продолжается здѣсь 6 часовъ, утреня не менѣе 3-хъ, за ними непосредственно начинается ранняя обѣдня, а чрезъ часъ и поздняя. Въ праздники служитъ всегда строитель съ 12-ю іеромонахами и четырмя дьяконами въ великолѣпныхъ ризахъ; черныя мантіи иноковъ, между коими встрѣчаются иногда схимники въ гробовыхъ одеждахъ своихъ, при яркомъ освѣщеніи величественнаго храма, оглашаемаго трогательно—унылымъ столповымъ пѣніемъ, производятъ необыкновенное впечатлѣніе, особенно когда во Всенощной, послѣ благословенія хлѣбовъ, погасятъ всѣ свѣчи въ церкви, оставя ихъ только предъ мѣстными иконами Спасителя и Богоматери, а потомъ по окончаніи чтенія дѣяній Апостоловъ и шестопсалмія, въ нѣсколько минутъ мрачный

храмъ снова заблеститъ огнями, и въ тоже время согласные хоры грянутъ: *Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа. Аллилуія, Аллилуія, Аллилуія.* Внезапный свѣтъ, быстро озаряющій церковь, разительно дѣйствуетъ на чувства и придаетъ много торжественности обряду, къ сожалѣнію, не вездѣ исполняемому. На первой недѣлѣ великаго поста по примѣру обители неусыпающихъ св. Маркелла въ Константинополѣ, монастырь затворяется для посѣтителей, и въ немъ день и ночь между службою поютъ тогда Псалтырь.

Въ 12-мъ часу, когда кончится поздняя обѣдня, братія идутъ въ трапезу, обширную залу, расписанную изображеніемъ страданій Іисуса Христа, и украшенную портретами разныхъ архіереевъ; послѣ пѣнія приличныхъ молитвъ, настоятель благословляетъ пищу и всѣ садятся тихо, не говоря другъ съ другомъ ни слова; въ общемъ молчаніи раздается только голосъ очереднаго монаха, читающаго поученіе, или жизнь святаго празднуемаго въ тотъ день церковью. При перемѣнѣ пищи, настоятель звонитъ въ колокольчикъ, привѣшиваемый въ углу подлѣ мѣста имъ занимаемаго; по этому знаку входятъ служители и ставятъ на столъ новыя блюда; кушанье не раздается каждому особенно, но по четыре человѣка ѣдятъ вмѣстѣ изъ одной посуды, которая вся, какъ и ложки, деревянная. Тутъ же на стѣнѣ видны правила монастырскія и длинныя четки, съ коими

провинившіеся въ чемъ либо иноки кладутъ въ продолженіе стола поклоны. Въ хлѣбнѣ и кухнѣ все чисто, опрятно и вода проведена къ нимъ трубами изъ Саровки. По окончаніи трапезы братія, пропѣвши благодарныя молитвы, расходятся по кельямъ. Въ 4-мъ часу начинаютъ вечерню, потомъ ужинаютъ, если уставъ не воспрещаетъ этаго, потому что въ иное время (на прим. въ постъ) вечерняя трапеза отмѣняется; наконецъ по прочтеніи еще правила и молитвъ на сонъ грядущимъ, монастырь запираютъ и дѣла прекращаются до перваго благовѣста; въ полночной тишинѣ, протяжный звонъ колокола снова разбудитъ окрестность, храмы заблестятъ огнями, священныя пѣснопѣнія загремятъ подъ сводами и понесутся къ престолу Вездѣсущаго.

Кромѣ службы церковной и присмотра за разными отраслями хозяйства, а также хожденія за больными, принятія богомолцевъ, и другихъ послушаній по дѣламъ обители, монахи занимаются еще многими ремеслами и рукодѣльями; между ними есть: иконописцы, слѣсаря, столяры, портные и проч.; нѣкоторые дѣлаютъ деревянную посуду, вытачиваютъ четки, ложечки, вырѣзываютъ кипарисные крестики, и тому подобныя вещи [1]). Число всѣхъ иноковъ простирается до

1) Принимаясь всегда за дѣло съ благословенія настоятеля и старшихъ—монахъ и предъ входомъ въ келью собрата своего не прежде войдетъ въ нее, какъ сотворивъ у дверей мо-

200, а съ служками и работниками число живущихъ въ монастырѣ простирается до 400 человѣкъ; однако и съ этимъ значительнымъ населеніемъ, монастырь все еще не считаетъ себя безопаснымъ отъ грабителей, и для охраненія своего содержитъ нѣсколько солдатъ, посылаемыхъ въ обитель для караула изъ Темниковскаго гарнизона.

О доходахъ пустыни я не могъ получить точныхъ и подробныхъ свѣденій, но и приблизительное исчисленіе ихъ можетъ дать нѣкоторое понятіе о степени благосостоянія пустыни, едва ли не богатѣйшей въ Россіи. Главный источникъ ея доходовъ составляетъ лѣсъ, жалованный Государями и частію жертвованный помѣщиками. Пространство его, какъ слышалъ я, нагодящееся во владѣніи монастыря, составляетъ въ ширину по Темниковской дорогѣ изъ Арзамаза, между деревнею Балыковой и постоялымъ дворомъ на рѣчкѣ Чорной, 25, а въ длину отъ села Пурдошекъ на Мокшѣ до Сарминскаго Майдана и къ Ардатову, верстъ 60-тъ. Для сохраненія этаго прекраснаго лѣса, состоящаго болѣе изъ хвойныхъ деревъ, но богатаго также липою и дубомъ, монастырь имѣетъ стражу изъ 10-ти наемныхъ объѣздчиковъ, вооруженныхъ ружьями и

литву: „молитвами св. отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ“, и получивъ въ отвѣтъ отъ хозяина: Аминь.

копьями, сверхъ того особенныхъ еще надзирателей изъ иноковъ; лѣсъ продается на корню, перевозится на Мокшу, и по ней сплавляется въ Оку и вмѣстѣ съ гонкою дегтя, выдѣлкою рогожъ и посуды (отдаваемыхъ на откупъ), приноситъ, говорятъ, ежегодно дохода: отъ 80 до 100 тысячь руб. асс.; да пильни даютъ отъ 30 до 50 тыс. руб. асс.; кромѣ того мукомольныя мѣльницы, постоялый дворъ на рѣчкѣ Чорной внутри лѣса, устроенный на дорогѣ, по коей слѣдуютъ обозы на Нижегородскую ярмарку (и на время которой учреждаются тогда въ лѣсу казачьи пикеты), сѣнокосы, церковные сборы, доставляютъ обители такую сумму, что итогъ всего годоваго прихода ея можно считать не менѣе, какъ отъ ста пятидесяти до двухъ сотъ тысячь рублей ассигнаціями, или близко къ этому, особенно если присоединимъ еще къ тому сборы отъ подаяній, иногда выпрашиваемыхъ пустынью, доходы съ пчеловодства, замѣчательнаго бѣлымъ, превосходнымъ медомъ, извѣстнымъ подъ именемъ липоваго, и крупнаго рогатаго скота, въ довольно значительномъ количествѣ (подъ надзоромъ наемныхъ старухи и работниковъ) содержимаго; быки продаются сгонщикамъ и Татарамъ окрестныхъ селеній, а съ коровъ сбираютъ масло и молоко.—Эта часть хозяйства отъ приволья пажитей по Сатису, гдѣ скотъ пасется по островамъ, и на берегахъ покрытыхъ сочною травою, могла бы приносить монастырю

большія выгоды, когдабъ онъ усилилъ ее, и еслибъ медвѣди были поснисходительнѣе.

Рыбными ловлями монахи пользуются по Сатису до самаго впаденія его въ Мокшу, и на озерѣ Инаркахъ, да подлѣ монастыря за Саровкою имѣютъ еще сажелку. Но красную рыбу закупаютъ обыкновенно въ Астрахани на 8 или 10 тыс. рублей, на двухъ-годовое продовольствіе. Ледники, заваленные разнаго рода рыбою, состоятъ въ завѣдываніи монаха изъ отставныхъ солдатъ, которыхъ много въ Саровѣ; привыкнувъ въ продолженіи службы къ строгому порядку и подчиненности, они съ такимъ же усердіемъ служатъ обители, и весьма полезны ей расторопностію и способностями своими. Заплативъ долгъ отечеству, эти почтенные ветераны покойно отживаютъ здѣсь вѣкъ свой, имѣя возможность ежедневно въ храмахъ Божіихъ приносить теплыя молитвы къ Всевышнему, сохранившему ихъ въ кровавыхъ битвахъ и успокоившему на старости въ святой обители. Когда я заходилъ въ рыбную съ о. Иларіономъ, надзиратель ея изъ старыхъ служивыхъ, увидавъ военный мундиръ, оживился воспоминаніемъ молодости, и показывая на меня отцу Иларіону, сказалъ: «вотъ, батюшка, тамъ-то настоящіе монахи живутъ, въ походѣ сухарики грызутъ, да тухлой водицей запиваютъ». За то, замѣтилъ я, вы несравненно болѣе нашего трудитесь на молитвѣ.—«Еще бы мало молиться, отвѣчалъ онъ,

«да что же и дѣлать, какъ не прибѣгать съ по-«каяніемъ, или благодарностію къ Создателю за «милости безпрестанно посылаемыя намъ грѣш-нымъ».

Но и расходы пустыни необыкновены; не говоря о содержаніи живущихъ въ обители, одинъ взглядъ на нее доказываетъ уже, что капиталы не лежатъ безполезно—строеніе все каменное, прочное, красивое, храмы отличаются роскошью украшеній, хозяйственныя заведенія благоустройствомъ; вездѣ дѣятельность чрезвычайная; зданія растутъ, поправляются, расписываются и толпы богомольцевъ находятъ всегда покойный пріютъ и истинно русское хлѣбосольство. Въ большіе праздники, особенно въ престольный Успенія Богоматери, случается, что выдаютъ 500 чашъ; каждая полагается на 10 человѣкъ, слѣдовательно одного простаго народа бываетъ тогда до 5000 человѣкъ; въ гостинницѣ угощаются пріѣзжіе слуги и кучера, а на постояломъ дворѣ, гдѣ останавливается черный народъ, для коего устроены удобныя и отдѣльныя для мужчинъ и женщинъ помѣщенія, подъ навѣсомъ обширныхъ сараевъ, за длинными столами на скамейкахъ, разставленныхъ въ нѣсколько рядовъ, пируютъ православные мужички и крестьянки въ пестрыхъ одеждахъ своихъ; гулъ, и болтовня различныхъ голосовъ, издали еще обличаютъ это мирно-шумное сборище, которому служители монастырскіе безпрестанно разносятъ то щи под-

правленныя сметаною, то рыбу, кашу, квасъ, молоко; и послѣ обѣда сытые, довольные гости, помолясь Богу и поблагодаривъ за хлѣбъ—за соль, расходятся до благовѣста къ службѣ группами по монастырю, или отдыхаютъ подъ тѣнію деревьевъ; такой пріемъ конечно долженъ заманивать сюда окрестныхъ жителей, которые идутъ въ пустынь какъ въ собственный домъ свой, не заботясь о содержаніи; иные живутъ въ ней недѣли по двѣ, даже по мѣсяцу, и монахи нисколько не ропщутъ на это, а даютъ еще многимъ хлѣбъ на дорогу, бѣдныхъ же дарятъ иногда кафтанами, шубами, онучами. За попеченіе о бѣдныхъ богатые вознаграждаютъ обитель съ излишкомъ; помѣщики, родные коихъ погребены около Саровскихъ церквей, и другіе по усердію къ обители, присылаютъ ей часто рожъ, овесъ, муку въ значительномъ количествѣ, да и купечество много жертвуетъ. Прилежащая къ обители страна много выгодъ получаетъ отъ безпрестаннаго движенія народа, и найма работниковъ пустынью; но главнѣйшая выгода, какую каждый монастырь обязанъ доставлять обществу состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать привязанность къ вѣрѣ, и служить примѣромъ христіанской нравственности народу и въ этомъ отношеніи Саровская пустынь, издревле основанная на строгихъ монашескихъ правилахъ и всегда направляемая къ нимъ благочестивыми и опытными въ духовной жизни начальниками, и

примѣромъ многихъ великихъ подвижниковъ своихъ, благотворно дѣйствуетъ на народъ. — Неукоснительное исполненіе требуемыхъ уставомъ богослуженій, стройное умилительное пѣніе монаховъ, благоговѣйное отправленіе службы, внятное чтеніе, отличный во всемъ порядокъ, повиновеніе, согласіе братства, радушное гостепріимство и духъ кротости и христіанской любви, съ какимъ встрѣчаютъ и провожаютъ здѣсь, не смотря на лица, богатыхъ и бѣдныхъ посѣтителей, доставляя имъ возможное спокойствіе, должны располагать каждаго благомыслящаго къ сей обители, а тѣмъ болѣе тѣхъ, коимъ нерѣдко убѣжденія и добрые совѣты мудрыхъ здѣшнихъ иноковъ облегчаютъ сердечныя скорби, направляя къ молитвѣ, великодушному терпѣнію, или примиренію со врагами. Особенно въ прежнее время, какъ говорятъ давно знающіе эту пустынь, было въ ней много такихъ старцевъ, что бесѣдовавшіе съ ними приходили въ восхищеніе отъ ихъ назидательныхъ разговоровъ и смиренномудраго духовнаго образованія.

На мѣстѣ Саровской пустыни к), гдѣ красуются нынѣ зданія иноковъ и православные храмы вы-

к) Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда, въ 38 верстахъ отъ Темникова, и въ 60 верс. отъ Арзамаса, при соединеніи р. Сатиса съ Саровкою. Все слѣдующее описаніе, составлено мною на основаніи историческаго описанія Саровской пустыни, выбраннаго изъ исторій, указовъ и благословенной

соко возносятъ надъ нею позлащенные кресты свои, въ княженіе Димитрія Донскаго и сына его Василія существовалъ татарскій городъ *Саракнычь*, укрѣпленный валами и башнями; послѣдній владѣтель его, князь золотой орды Беханъ повелѣвалъ еще нѣсколькими окрестными городами и многими Мордовскими и Татарскими селеніями; участвуя, можетъ быть, въ истребленіи Арапшею 1377 года рати Димитрія Константиновича на Пьяной, и въ злодѣйствахъ около Нижняго, онъ возстановилъ противъ себя Русскихъ, которые послѣ Куликовской побѣды смѣлѣе уже нападали на своихъ притѣснителей и прогнали Бехана за Мокшу. Тамъ основавъ себѣ жилище, гдѣ нынѣ село Кангушъ, и обведя его валомъ, онъ могъ считать себя въ безопасности; но гроза имени Татарскаго миновалась, Золотая Орда пала подъ ударами Россіи, запустѣло и новое поселеніе Бехана; прежнее же, на Саровкѣ, заросшее густымъ непроницаемымъ боромъ, долго было необитаемо и называлось *старымъ городищемъ*; наконецъ, въ исходѣ 17-го вѣка, поселился въ немъ пустынникъ Ѳеодоръ, потомъ монахи: Герасимъ и Иларіонъ, къ коимъ присоединился изъ Арзамаса іеромонахъ Исакій (въ схимѣ Іоаннъ), положившій съ собравшимися къ нему сотрудниками первое основаніе обители. По открывшимся тогда остаткамъ древняго го-

---

грамоты хранящейся въ пустыни, игуменомъ Маркеллиномъ 1804 года.

рода оказалось, что онъ занималъ не малое пространство. Пять глубокихъ рвовъ и высокихъ валовъ, протянутые въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго и по горѣ между Сатисомъ и Саровкою, означали столько же существовавшихъ замковъ; два изъ нихъ находятся нынѣ подъ церквами и кельями; третій за оградою застроенъ конюшнею и мастеровыми зданіями; отъ четвертаго гораздо обширнѣйшаго замка на валу сохранилась еще деревянная башня и на его мѣстѣ устроены кирпичные сараи; на мѣстѣ пятаго замка, отъ котораго также, какъ слышалъ я, уцѣлѣли въ лѣсу еще двѣ дубовыя башни, теперь пространная площадь, осѣняемая вѣковыми деревьями.

Въ 1706 году построена была на поступной землѣ князя Даніила Кугушева первая деревянная церковь во имя Пресвятыя Богородицы живоноснаго ея источника; извѣщенные о томъ окрестные жители нахлынули къ ней тысячами, привезли съ собой всю утварь церковную, колокола, даже съѣстные припасы. За тѣснотою помѣщеній дворянство и духовенство угощалось въ церковной трапезѣ, а простой народъ на землѣ; скоро явились стѣны съ башнями, церковь Михаила Архангела надъ св. вратами, трапеза и кельи братскія; юная обитель одушевила пустыню. Отшельники могли надѣяться, что усердіе богомольцевъ еще болѣе распространитъ и украситъ жилище ихъ. Но въ одно время 1711 года,

густыя тучи дыма, предвѣстники лѣснаго пожара, показались на горизонтѣ, росли, клубились въ воздухѣ; за ними съ страшнымъ шумомъ и трескомъ текла огненная рѣка прямо къ пустыни, пожирая на пути своемъ все встрѣчающееся, спасенія не было, и кромѣ церкви Живоноснаго источника, все строеніе сгорѣло. Но Исакій воздвигъ новую ограду и келіи и устроивъ внѣшнее, предложилъ братіи позаботиться и о внутрѣннемъ благѣ; для сего, съ согласія ихъ сочиня на правилахъ святыхъ отцевъ общежительный уставъ, представилъ его на разсмотрѣніе преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому съ слѣдующимъ положеніемъ: «всѣ монашествующіе Сатисо-градо-Саровской пустыни единомысленно согласились провождать уединенную жизнь свою въ терпѣніи и послушаніи, настоятелю во всемъ повиноватся какъ отцу и наставнику, пищу и питье имѣть общую, за монастырь къ роднымъ и прочимъ людямъ не ходить и никакой вещи и имѣнія ни у нихъ, ни въ кельяхъ своихъ, исключая необходимыхъ одеждъ, не держать, и ничего своимъ не называть, ни за какое дѣло безъ благословенія начальника не приниматься, церковное пѣніе и преданныя правила исправлять по уставу и съ должнымъ благоговѣніемъ. Вина, пива и другихъ охмѣляющихъ напитковъ настоятелю и братіи не пить, и въ обители не держать, подаяніе на монастырь отдавать въ общую казну, равно и

вступающіе въ обитель всѣ принесенныя съ собою вещи должы также предоставлять обществу, ничего не утаивая, но вся часть Господня да будетъ въ нищую духомъ братію; жить всѣмъ въ совершенномъ равенствѣ, не гордясь даяніями или мірскимъ саномъ своимъ, и не требуя себѣ отличія или чести, не говорить, что это мое, или вкладъ мой—да не будетъ распри и разоренія положеніямъ обители; кто же изъ живущихъ въ ней станетъ порядокъ сей нарушать и настоятелю противиться, того смирять по монастырскому обычаю; приходящихъ же непослушныхъ и возмутителей высылать вонъ». Кромѣ этого монашествующіе постановили тогда, чтобъ въ первую недѣлю Великаго поста, было непрестанное пѣніе день и ночь по обряду обители неусыпающихъ и чтобъ, несмотря на число приходящихъ и пріѣзжающихъ въ монастырь, всѣхъ довольствовать общею трапезою. Всѣ эти учрежденія, донынѣ соблюдаемыя въ Саровѣ, были одобрены митрополитомъ и утверждены въ полной силѣ.

Докончивъ начатые монахомъ Иларіономъ 1691 г. пещеры, и устроя посреди ихъ церковь во имя Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, выхлопотавъ 1730 года октября 25 указъ на владѣніе землями, покосами, рыбною ловлею и другими угодьями для обители, и въ благодарность Богу за ниспосланное благодѣяніе установивъ ежегодно 25 октября отправлять всеночное бдѣніе съ

молебномъ празднуемымъ въ тотъ день Пресвятой Богородицѣ, всѣхъ скорбящихъ радости, и св. мученикамъ Маркіану и Мартирію, положивъ также основаніе и библіотекѣ собраніемъ довольнаго количества книгъ,—Исакій по неизвѣстному дѣлу взятъ былъ въ Петербургъ, гдѣ 1737 года скончался и погребенъ при церкви Преображенія Господня, что въ Колтовской.

Преемники его неутомимо слѣдовали по проложенному имъ пути, и пустынь дѣятельно устроивалась, украшалась каменными зданіями, увеличивалась числомъ иноковъ. *Дороѳей* воздвигнулъ начатый еще при Исакіи соборный храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы, колокольню и больницу, а *Филаретъ* теплую церковь Живоноснаго источника, и видя, что смѣжные владѣльцы стали не только рубить безъ пощады монастырскій лѣсъ, но расположились даже построить и винокуренные заводы въ разстояніи только 1 и 1½ версты отъ пустыни, просилъ правительство, во избѣжаніе соблазна, отмежевать дачи ея отъ помѣщичьихъ, что въ 1749-мъ году и исполнено. Послѣ Филарета избранный строителемъ *Маркеллъ* по доносамъ лишенъ начальства, и сосланъ въ бѣдную пустынь Салелейскую близъ Ламова, и хотя по разсмотрѣніи дѣла, вина его оказалась маловажною, и ему готовилась высшая должность, но онъ вскорѣ скончался, вмѣсто же его Суздальсзій архіерей Порфирій, къ эпархіи коего принадлежала тогда Саровская пустынь, ввѣрилъ

управленіе надъ нею іеромонаху *Исакію*; при немъ въ 1753 году къ Саровской пустыни присоединена была Санаксарская; но когда по указу Императрицы Елисаветы перевели въ первую изъ Александро - Невской лавры монаха Ѳеодора (фамиліи Ушаковыхъ, дядю знаменитаго нашего Адмирала) и сдѣлали начальникомъ послѣдней, Санаксарская получила самостоятельность, а Саровская причислена къ Тамбовской эпархіи; при Исакіи устроены св. врата, и надъ ними церковь Святителя Николая, да освящена еще новая за монастыремъ подъ горою, на родникѣ, во имя св. Іоанна Предтечи.

За Исакіемъ сѣдовали строители: Ефремъ и Пахомій. Первый, грубый по виду и обращенію, но добродушный, сострадательный, любилъ помогать бѣднымъ и особенно въ голодный 1775 годъ показалъ въ полной мѣрѣ живое участіе къ бѣдствіямъ ближняго. Въ это несчастное время, когда бѣдные жители, не имѣя куска хлѣба, питались дубовыми желудями и гнилушками дерева, Ефремъ приказалъ кормить всѣхъ приходящихъ въ обитель, что и продолжалось 7-мь мѣсяцовъ; каждый день по нѣскольку сотъ, а иногда по тысячѣ и болѣе человѣкъ питались монастырскимъ хлѣбомъ; когда же братія, опасаясь, чтобъ щедрость эта не истощила наконецъ ихъ собственныхъ запасовъ, стали роптать,—Ефремъ, призвалъ старшихъ и объяснивъ имъ бѣдствія народа, съ глубокимъ чувствомъ

сказалъ: «я расположился дѣйствовать такъ до тѣхъ поръ, пока Богу угодно будетъ за грѣхи наши продолжать это наказаніе; лучше страдать вмѣстѣ съ народомъ, нежели видѣть его умирающимъ съ голоду; какая польза пережить подобныхъ намъ людей, изъ коихъ многіе можетъ быть до голода самихъ насъ питали»? И братія, пристыженные словами истины и любви христіанской, успокоились и единогласно отвѣчали ему: «да будетъ по волѣ вашей». Строгій блюститель благочестія и уставовъ церкви, умноживъ обитель братствомъ, и украсивъ ее величественнымъ соборнымъ храмомъ, который перестроилъ онъ по несравненно лучшему и обширнѣйшему плану, также трапезою, и разными хозяйственными зданіями, чувствуя изнеможеніе силъ, онъ передалъ начальство надъ пустынью избранному братіею іеромонаху Пахомію и скончался на 86 году благотворительной жизни своей. *Пахомій* (при коемъ Саровскій іеромонахъ Мелетій предпринималъ въ 1793 и 1794 году путешествіе въ Іерусалимъ и описалъ свое странствованіе), по свидѣтельству монастырской лѣтописи, былъ кротокъ, милостивъ, управлялъ обителью съ благоразуміемъ, смиреніемъ и заботливостію о ея благосостояніи, за что любимъ былъ не только братіею и знатными духовными, но и свѣтскими особами; общее къ нему расположеніе, значительно увеличившее число братій и обогатившее пустынь подаяніями, способствовало ему также

къ устройству многихъ каменныхъ зданій: церквей (Больничной и надъ свят. вратами Святителя Николая), келій, гостинницъ и проч., такъ что въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ; имъ же начата и огромная колокольня—краса Пустыни, доконченная преемникомъ его *Исаіею*, при которомъ сдѣланы еще и другія постройки за монастыремъ: каменный 2-хъ этажный корпусъ для разныхъ мастеровыхъ, распространены помѣщенія больничныхъ и братскихъ келій, а съ сѣверной и южной стороны воздвигнуты башни; и въ его же правленіе обителію увеличенъ штатъ монашествующихъ ея, къ коему по имянному указу прибавлено 20 человѣкъ.

Нынѣшній настоятель *Нифонтъ*, начальствующій съ 1804-го года столь же ревностно, какъ и прежніе достойные предшественники его, пекущійся о внутреннемъ и наружномъ благоустройствѣ обители, путемъ строгой иноческой жизни, труда и терпѣнія старается вести ее къ совершенству, хотя совершенство и не удѣлъ смертныхъ.